

ДОЖДЕВЫЕ ЧЕРВИ

2161-2162

ИЛБЯ ГАНЕНШИ

18+

Илья Паненшин

Дождевые черви: 2161-2162

«Автор»

2012

Паненшин И. В.

Дождевые черви: 2161-2162 / И. В. Паненшин — «Автор», 2012

Классическая постапокалиптика. Художественная редакция дневника жителя страшной эпохи. Своего рода бортовой журнал, являющийся средством связи погибших с живыми. Герой - одиночка поневоле. Его окружают и люди и события, но он не может определить себя к конкретному сообществу и в меру сложившихся обстоятельств, внутренних убеждений и инстинкта самосохранения стремится вперед в неизвестность.

© Паненшин И. В., 2012

© Автор, 2012

Илья Паненшин

Дождевые черви: 2161-2162

Илья Паненшин

**ПРИКЛЮЧЕНИЯ
НАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА
ДОЖДЕВЫЕ ЧЕРВИ 2161-2162**

щее как развитие настоящего предопределено, если известны компоненты системы и их взаимосвязи

2012г.

ОКТАБРЬ 2161
23 октября 2161г.

Утро. Еще не выспался, но за ночь холод безжалостно овладел моей лачугой и не дает мирно досмотреть сон, заставляя переворачиваться с боку на бок, чтобы согреться.

Звуки с улицы как шпаги пронзают дырявые стены, сколоченные из найденных листов шифера, жестянок и фанеры. Слышно, как перемещающийся по улицам мужской голос объявляет об очередном пятничном собрании поселения, посвященном индивидуальному распорядку трудовой деятельности на следующую неделю. Деления на профессии нет. Конечно, таланты – исключение. Наша община состоит примерно из четырехсот человек. Стариков практически нет, мало кто доживает до пожилого возраста. Постоянные отравления и нагрузки быстро изнашивают организм. Ободрив себя хлопками ладоней по давно не бритым щекам, я отправился к площади.

Солнечные лучи приводят тело в тонус, прогревая спину, словно теплой ладонью женщины. Всего несколько прямых и нешироких улочек разделяют ряды уродливых хижин. Все постройки собраны из подручных материалов, друг от друга ничем не отличаются, и от порывистого ветра все эти конструкции наполняют пустые улицы дребезжанием и скрежетом.

Приближаясь к площади, я стал разборчиво слышать речь нашего мэра, говорившего в облезший ручной мегафон. Позади него сидит вспотевший жилистый мужчина и крутит рычаг генератора. Топлива давно нет, электроэнергия добывается мышечной силой от генераторов с восстановленными аккумуляторами ужасного качества, заряда которых еле хватает, чтобы отдохнуть. Короче говоря, судя по имеющимся научно-историческим книгам, живем достижениями девятнадцатого века, фундаментальными и несокрушимыми. Все технологичное грудой металлолома обреченно таятся на складах.

Наш мэр – человек действительно деловой. После смерти жены уверенно и жестко взял бразды правления в свои руки. Обращает внимание на незначительные детали, но именно благодаря им сохраняется прогресс в развитии общины. Он в возрасте, средних размеров, без особых отличительных черт, если не считать густые, толстые брови. Постоянно ходит в длинном плаще из кусков черной, как уголь, собачей шкуры, сбрасывая ее только в самый жаркий день.

– Уважаемые жители! Мы с Вами хорошо работаем и не теряем темпов роста поселения Чистая земля, а наша численность – это наша безопасность перед лицом возможного врага. Со дня основания образовалось множество семей, которые обзавелись детьми, подрастающими день за днем, а матери вынашивают им братьев и сестер!

Для успешного пропитания необходимо увеличить производительность плантаций. Собирается группа стрелков для сопровождения рабочих, которые отправятся добывать и транспортировать чистую землю из шахт на востоке, а также группа техников для сборки ярусных площадок рассады. Мы все еще не можем позволить себе безгранично расширять площадь плантаций из-за отсутствия должного количества дозорных на границе. Но мы обязаны привозить свежую землю для будущей обработки в течение года. Как вы опять же знаете, нам удалось добиться стабильности в выращивании картофеля. Привезенная пару лет назад земля стала плодородней, но ее мало.

Также объявляю всем, кто выходит за границы города, по возможности ищите свалки, брошенные машины, любые материалы и запоминайте, как до них добраться! Знаю, есть смельчаки, желающие организовать поход в Тихий город, но лично я не сильно поддерживаю затею: эти руины теперь принадлежат не человеку, а потери среди населения сейчас крайне нежелательны.

Еще необходимо соорудить ночную накопительную емкость для питьевой воды. Иначе мы так и не решим проблему очередей к роднику, питающему нас с вами здоровой водой! А она, как вы знаете, в больших объемах расходуется на поливы плантаций. Землепроходцы говорят, что на северо-западе, на границе Тихого города, есть нужная нам конструкция – сохранившаяся водонапорная башня. Требуется только много людей и усилий, чтобы ее транспортировать к нам.

Я снова выбрал работу сопровождающего. Это намного интереснее, хоть и опаснее остальной деятельности: можно посмотреть, как живет мертвая земля после войны. Живет мертвая земля? Интересное сочетание.

Но, несмотря на стабильность, внутри меня томится желание, чтобы, наконец, что-то случилось. Мэр беспокоится о нашем будущем, организывает наше существование, но своего рода мамина забота не по мне. Бесконечную животную деятельность по пропитанию и размножению разбавляют только вылазки на разведку, охоту или сопровождение.

Помню, несколько лет назад я был в составе небольшой группы. Не существовало Чистых земель, мы жили на окраине Тихого города и, мародерствуя на брошенных улицах, вступали в схватки с проходящими недругами. Всем нам хватало провизии и различных материалов. Затем с востока пришли люди, предложили положить начало новой цивилизации, попробовать что-то строить. Мы согласились и теперь влачим свое существование тут. У нас общий источник воды, за которой стоим часами, подменяя друг друга.

Все поделено поровну, все заняты, у всех есть свободное время. Да, мы растем, да, нам безопасно вместе. Но в душе живет ощущение, что это не мое, не родное. Даже пустошь стала безопаснее по сравнению с прошлыми годами. Мы уже не слышим историй о нападении людей друг на друга. Я думаю, самое время для дальней разведывательной деятельности, но мэр имеет свое мнение о наших перспективах. И так много лет. Раньше даже не могли спокойно покинуть лагерь, дежурили каждую ночь, отстреливали, закалывали зверей, полюбивших человеческую плоть, как мы – животную.

24 октября 2161г.

Очередной день проклятой эпохи. Нужно сходить на склад, чтобы получить казенную амуницию и припасы. По пути вспоминаю рассказы о войне, дошедшие до нашего времени. Отцы отцов рассказывают, что началось все с Ближнего Востока. Религиозная вражда и борьба за исторические земли поглотили умы. Энергетический кризис преумножил агрессию и оказался точкой невозврата.

Известно об ужасных терактах по всем уголкам мира с применением оружия массового поражения. Страны подставляли друг друга и объявляли войны тем, кто не был причастен к спектаклю. В конечном итоге никому не было дела до бумажных игр с запрещенным вооружением, в ход пошли ядерные ракеты и водородные бомбы, распыление отравляющих и инфекционных веществ. Ряд стран охватили пандемии, другие были вывернуты наизнанку, третьи на века отравлены. Прибрежные районы смыты искусственными цунами от подводных ядерных взрывов. Миром будто овладел дьявол, то мифическое существо из их книг... Бессмысленная война...

Прошло полтора века. Полтора медленных, будто старчески предсмертных века. Нам с регионом не очень повезло: поредевшая популяция уже упомянутого дикого зверя в очередной раз стала расти, на юге обнаружили непроходимые ядовитые болота, на западе расположен непроходимый Тихий город, про который с недавних пор особо не распространяются наши власти, опасаясь азартных вылазок. А дальше пустошь. Мертвая, бездушная земля.

Подходя к складу, решил заглянуть в наш «Бартер» – достаточно аккуратный пристрой к основному зданию склада. Поселенцы и редкие путники оставляют здесь ценные вещи в обмен на припасы. На железных стеллажах располагаются разного рода самодельные винтовки и арбалеты, непонятные устройства с кучей цветных проводов, всевозможные мачете, топоры и кастеты. Пыль на всех поверхностях свидетельствует о небрежности в ведении дел, а общая картина помещения своим покинутым и неподвижным состоянием производит впечатление заброшенности. Кажется, будто время замерло. Правда, так оно и есть в какой-то степени.

– Доброго здоровья, Николай Иванович! – поприветствовал я нашего пухлого морщинистого старика с большим носом. Он постоянно пьет какую-то гадость собственного производ-

ства, и, похоже, его здоровью уже не страшны никакие напасти. – Что есть у тебя новенького? Заходил кто в наши края? Может, еще и какие новости рассказывали?

– И тебе не хворать. Будешь? – протянул он мне бутылку из грубого стекла с темной вязкой жидкостью внутри, но я отказался. – Ну, как хочешь, плохого никогда не посоветую, на возьми, положи себе, пригодится!

Я неохотно согласился, бросив совсем маленькую самодельную фляжку в сумку.

– Был тут один товарищ, заходил, да...

Старик приложился к бутылке:

– Ах, хорошо... Просил едой рюкзак набить, в обмен предложил всякого, да...

Он еще раз выпил своего непонятного отвара и повел меня в подсобное помещение.

На сколоченном из необработанных, просохших досок столе лежит несколько вещей. Лучи солнца пробиваются через щели в стенах, высвечивая летающие в воздухе пылинки и согревая участки одежды на теле.

– Присаживайся...

Мы сели на табуретки.

– Вот, смотри, хорошая и редчайшая вещица – пистолет Стечкина в хорошем состоянии и коробка патронов к нему, даже расщедрился боезапасом и проверил: стреляет и очередями, и одиночными, проблем вообще не было! Очень уж он не хотел его отдавать, подмечу я, но просил консервы разные, что ж я за такие вещи с него не возьму ничего?! А ты сам знаешь, что консервы сейчас редкость и большая ценность! – будто с долей оправдания произнес Николай Иванович. – Вот еще есть – глушилка радиоэфира, полезная вещица, когда ты один, чтобы противнику обрезать координацию, только в наших краях не пригодится точно. Потом вот какую-то фигню принесли с северо-востока, говорят, случайно нашли, на земле валялась. Я, если честно, не понял, что это такое, но взял в довесок. Отдам тебе по старой дружбе просто так! – он передал металлический предмет, внешне похожий на коробок спичек с тремя круглыми металлическими клепками с одной стороны и каким-то номером с буквами на корпусе. – Велосипед не отдам, его велено главному механику в ремонт передать, – заторопился он, отодвигая стоящий рядом разбитый двухколесный велосипед в сторону.

Я попросил отложить на недельку АПС, коробку патронов 9x18мм в обмен на мой наган с расточкой камор под патрон 7,62x25 и пару любых ценных трофеев или находок, если будут с предстоящего похода. Металлический непонятный предмет я кинул во внутренний карман куртки. Если уж не найдется применения, то, может, хоть сердце спасет от пули.

– Пройду? – я указал пальцем на дверь между складом и подсобкой с наивной надписью «Проход запрещен».

– Да иди, иди... – махнув рукой, пробурчал Николай Иванович. – Устроят тут проходной двор!

На складе я подошел к заведующему и показал выданный мне жетон стрелка. По-моему, это несколько сильно спрессованных и теперь неделимых консервных банок. На всей этой жестяной массе выбито: «Чистые земли. Стрелок №4». Это означает, что мне положен комплект из самодельного карабина, на котором, возможно, даже антабок нет, и ружье придется доработать самостоятельно; боезапас сомнительных патронов, клепанный железными пластинами жилет, спички, пакет продуктов с крайне скромным расчетом примерно на неделю. Медициментов нет, только перевязки, щипцы, чтобы пулю достать, и ужасно жгучие присыпки – кровь остановить.

На обратном пути я увидел уже давно сидящего у двери своего дома мужчину в годах, задумчиво играющего тоскливую мелодию на залатанной гитаре со смольным узором по обечайке. Ловко перебирая пальцами ржавые струны, он невольно медленно покачивает головой, уставившись взглядом в земляную пыль вокруг распухших ног. Земля, хоть и совсем немного, но превышает норму излучения, что с возрастом вызывает заболевания.

Совершенно нечего делать между вылазками. На соседней улице есть здание найденных настольных игр, где каждый желающий может провести время. Но желающих так много, что я даже не записываюсь в очередь.

26 октября 2161г.

Понедельник. К «5:00» со всем необходимым мы собираемся у главных ворот, чтобы погрузиться в широкие телеги, запряженные мулами. Всего шестнадцать человек, четверо из которых вооружены, а остальные просто рабочие для добычи ценнейшего для нас ресурса – неотравленной земли. Совместно с нашим родником она позволяет нам быть автономным населенным пунктом, независимым от внешних условий. Зим у нас не бывает, климат стабильный, с холодными ветрами и горячим солнцем.

Мягкие железные ворота защищает грубо собранная деревянная дозорная вышка со стрелком, часто вдоль заграждений возведены подъемы для дополнительных стрелковых мест. Сами заграждения построены по всей длине границы города. Они представляют собой распиленные кузова уничтоженных войной автомобилей, приволоченные откуда-то перекрытия зданий, вкопанные в землю, и камни. Это пережитки прошлых лет со стычками и перестрелками. Против дикого зверя можно принимать и менее затратные меры безопасности.

– Ну что, грузимся и на восток через мертвую зону к шахтам! – бодрой речью поднимает народ Купчин Сергей, наш старшина и матерый знаток поведения в мертвой зоне. – Копья погрузить в телегу не забудьте!!! Мало ли что с боезапасом случится в пути, а так хоть что-то! К тому же дикие собаки на странность хорошо приспособились в пустошах за этот год, похоже, нашли, чем свободно питаться, их популяция крайне быстро растет!

Под четкие команды старшины мы быстро организовались и двинулись в путь. Сергей коренастый и проворный. Будучи мятым, скуластым, с потемневшей кожей и шрамами, выглядит достаточно брутальным, чтобы без вопросов относиться к нему с уважением, как к опытному бойцу.

Редкие лысые почерневшие деревья тоскливо провожают нас в путь. Разбитая дорога пролегает по пустой, некогда лесостепной земле. Красное утреннее солнце освещает окружающую всеобщую умиротворенность, вытягивая по серой пустыне тени от опор разбитых линий электропередач, еще не демонтированных под строительство каких-нибудь более полезных конструкций. Холодный ветер треплет на людях лоскуты тряпок и пробирает невольной дрожью.

Помню, видел книжки у Николая Ивановича с картинками зеленых деревьев или ухоженных человеческими руками полей зерновых. Сейчас это все называется просто «мертвая зона» или «пустыня», местами появляется какая-то мелкая растительность в виде странной травы, кустарника, но общей картины безжизненности земель это не меняет. Правда, насчет последнего утверждения можно еще и поспорить. Столько разных баек про странных животных ходит, не знаю уж верить или нет, но ненормальность в животном мире – это ежедневный факт.

Город уходит ближе к линии горизонта, мулы терпеливо, склонив головы, тащат скрипучие повозки. Этих животных мы недавно выменивали на всевозможные ценности на северо-востоке у одного добрейшего старика, души не чаявшего в приеме гостей. Всегда поил своим душистым отваром, состав которого никто не знал. Сейчас же разводим мулов самостоятельно, забрав после его смерти всех жеребцов и ослиц. Если бы не они, то все наше успешное развитие двигалось бы в несколько раз медленнее, а в упряжках были бы люди. Может быть, где-то прямо сейчас процветает человеческое рабство.

Ночь на 27 октября 2161.

Пришло время разбить лагерь, чтобы переночевать. Выбрали место возле большого валуна. Спальные места – это не что иное, как сами телеги, рядом с ними разбили костер и раз-

делили дежурство по парам по четыре часа. Одного подсадили на валун, второго разместили у мулов на случай, если они чего-то испугаются.

Мое дежурство выпало на вторую половину ночи. Я укутался разными тряпками и приготовился ко сну. Меня начали посещать мысли о других городах и поселениях: ведут ли они такой же образ жизни как мы, решают ли те же вопросы? Или, может, уже есть уголок жизни с развитой инфраструктурой, как до войны у наших дедов? Уверен: сейчас по всей планете коммуникация так же сильно затруднена, как и у нас. А в некоторых случаях и вовсе отсутствует. Но из-за своего оседлого образа жизни мы не располагаем никакими данными. Может быть, пройдет время и нас обнаружит как дикое племя какая-нибудь развитая цивилизация.

Сведения о внешнем мире мы получаем из наших вылазок и рассказов путников, которые, например, сообщили о том, что есть поселения на севере. Однако никто особо не рассказывает, как обстоят дела друг у друга, никто не называет точные пути прохода: все опасаются рейдерства на свои города. А если нужно совершить какую-то операцию, то для этого есть те самые странники, знающие дороги. Этим они и живут, зарабатывая на жизнь. Но как же быть с южными районами? Они отрезаны от нас токсичными болотами и горами, покрытыми лесом. От баек об этих местах мурашки по коже. Говорят, их еще ни один человек не пересек. Но, с другой стороны, об этом точно говорить нельзя, ведь никто просто не вернулся обратно. А может быть, он остался по ту сторону? Остался в лучших условиях, чем у нас? Ведь должно же за столько лет после войны возрождаться общество, образовываться государства или содружества...

– Просыпайся! Давай! – я вскочил от голоса Купчина. – Принимай пост, теперь ты старший по дежурству, будь осторожен, там прямо за бугром метрах в двухстах, – показывал он пальцем, – где пара кустов торчит, несколько раз лай слышал. Если что, стреляй, не стесняйся, сам знаешь – они часто пугливые и от первого выстрела разбегутся.

Я разбудил своего напарника Василия, он подсадил меня на валун, а сам уселся на земле.

– Вась, подай тряпок, камень холодный, не насидишься на нем, – попросил я.

Костер уже затухает, и Василий закапывает в тлеющие угли немного картофеля и флягу. Вокруг какая-то густая тишина, даже ветер затих. Говорят, раньше ночью мир был охвачен целым квартетом разных звуков, а в городах, таких как у нас на западе, руины которых манят наши умы и взгляды, жизнь лилась одинаково что днем, что ночью. Сейчас же туда сунуться за припасами, как раньше, не в силу даже группе людей. Какой-то злой зверь поселился или стая, из теней совсем не показывается, а как ночь придет, так нет спасения. Все уголки, куда добраться можно без ночлега, уже подверглись нашему мародерству, а дальше них дорога в один конец.

– Как ты думаешь, нам когда-нибудь удастся узнать, что там за болотами на юге? – завел я беседу с Васей.

– Да ты знаешь, вот в воскресенье, пока ты весь день дрых в своей берлоге, был у нас мужик один, уже немолодой, видно, что потертый зоной, морщинистый весь, и кожа как будто уже не отмывается от пепла и пыли. Так вот он говорит, что обошел города, местечки. А безопасные пути, что нашел, нанес на карту, которую сам же нарисовал. Описал, где и как можно пройти, и мэру нашему принес. Потом пойдет карты эти раздавать, мол, способствует коммуникации и созданию караванных путей...

– Ну и? – подгоняю я. – Что, так все места прямо там и указаны? Ха, что, всю планету обошел старик? – невольно ухмыльнулся я.

– Ну, ты слушай. Не старик он, просто поседевший слегка и тертый как калач. Говорит, поселений в округе всего три, ну и так, одинокая группировка. И говорит, что все мы недалеко друг от друга находимся, в принципе, несколько дней пути на механическом транспорте, только боимся выходить в зону и экипировки на всех не хватает, несмотря на то, что небольшое производство самодельного оружия налажено и у нас, и в каком-то Мирном на севере. И,

короче, не только на юге, у нас под боком болото с полным букетом, да и вообще вокруг всего региона агрессивное кольцо, где яд, где радиация, где лес и зверь дикий.

– Вот дела... То есть отстроится у нас город, у них отстроится, торговать будем, а дальше развиваться так и не сможем? Как в заключении сидим?

– Так вот слушай еще дальше...

Напугав, прямо рядом с камнем раздался свирепый собачий рык, луна блеснула в глазах страшной морды.

– Ах ты, пес!!! – я выстрелил в грязную собаку, и вокруг в темноте все словно метнулось в стороны, спасаясь от раскатистого грохота. Пороховая вспышка несколько ослепила, оставив желтое пятно в глазах. Заскулив, собака отползла на пару метров и упала на бок неподвижная.

– Спи, спи, все хорошо! – успокоил я вскочивших людей, растирая плечо, принявшее отдачу.

Послышался треск генератора электродинамического фонаря. Встревоженный Вася интенсивно сжимает и разжимает ручку механизма. Мы огляделись несколько раз, вокруг невозмутимо тихо. Черное небо застилают облака или тучи, ночью не разберешь, только там, где небо чистое, луна разливается по пустыне холодным серебром.

– Вась, ну что там дальше-то рассказывай, – заинтересованно спросил я.

– Ох, спокойный ты как камень, на котором сидишь.

В общем, еще дальше на востоке, за шахтами, куда мы движемся, есть река. Желто-зеленая вся, такая вонючая, что голова кружится, как вдохнешь. Пересечь бы ее, да тоже ядовитая, но уже не болото.

– Интересно... – протянул я на выдохе.

Вася покивал головой, согласившись. Пятно света от вспышки выстрела медленно рассасывается в глазах. Мы молчим, каждый думая о своем.

27 октября 2161г.

Стало светать. Василий принялся будить отряд. Я начал доставать из углей горячую картошку и железную флягу с чаем и бросать все в толстые тряпки. Не покидая телег, люди принялись завтракать горячим, разгоняя ночной холод. Руками с толстенной, огрубевшей до трещин кожей люди отламывают обжигающие кусочки картофеля. Улавливая из горлышка обернутой фляги горячие чайные колоски поднимающегося пара, я не перестаю обсуждать сам с собой вечные для своего поколения вопросы.

– О чем вы там всю ночь разговаривали? – перебил мою беседу с сознанием Купчин. – Чуть собаки не погрызли.

– Да вот был странник у нас в городе, – ответил я. – Карту поселений нашего региона оставил и сказал, что мы тут в замкнутом кольце живем и не выбраться из него никак.

– Да знаю я все, тоже гулял когда-то, но молчу и не рассказываю. Только уверен, что изолированы мы как бы в одну сторону, понимаешь? Нашел на северо-востоке однажды такую штуку, ну видно, что оружие, а как работает, непонятно! Лежит она в нашем управлении, лучшие наши техники смотрели, но заработать так никто и не заставил. Вы только особо об этом в городе не рассказывайте, пусть народ пока работает и никуда не лезет.

– А это еще почему? – возразил я.

– А что там дальше, ты знаешь? Может, там недруги или еще кто. Видишь, про какую штуку тебе рассказываю, черт-те знает, как она у нас тут оказалась, – сконфуженно начал рассуждать он. – Значит, они в наш регион приходили?! Значит, для них агрессивные среды не проблема?! Это, видишь ли, деликатное дело! Такие вопросы аккуратно нужно выяснять, разведкой, дипломатией, узким кругом лиц. А пока надо, народ чтоб на ноги встал. Ведь всего несколько лет как цивилизованное общество создали, а то ходили как волки-одиночки по пустыне и друг другу глотки рвали.

– Стоять!!! – с ведущей повозки раздалась команда. – Человеческий труп у дороги! Стрелки, осмотреть!!!

Купчин и напарник, имя которого я что-то и не спросил, осматриваются через мушки винтовок по сторонам. Мы с Васей добежали до бугра справа от дороги, на нем развалился труп мужчины в кожаной длинной куртке, рядом рассыпались вещи из походного рюкзака. Самим трупом явно перекусила не одна собака, если это были они.

– Это же тот странник! – воскликнул Вася, как будто это должно стать великим звеном в разгадке какой-то большой тайны.

– Да неважно, кто это, он мертв, вещи забираем мы, – проямлил я слова, чувствуя себя мародером, хоть в настоящее время это не является преступлением. Да и вообще преступлением ничего не является, когда вопрос лишь один – выжить любой ценой. Страдают только моральные ценности общества.

В вещмешке мы нашли много всякой еды: вяленое мясо, корнеплоды и консервы. Все, что долго хранится, и даже если срок годности давно истек, то еще можно повалить в огне и проглотить. Одежда на мертвце изодрана, во внутреннем кармане я нашел небольшую записную книжку в кожаном переплете и фонарь. Рядом с изглоданной рукой лежит хорошего качества и размера тесак. Правда, Стечкин, обменный на припасы, уберет бы его лучше, чем эта железка.

Все это мы погрузили в повозку и тронулись дальше.

Открыв книжку, мы увидели зарисовки именно той карты, о которой был разговор прошлой ночью. Схемы участков региона изображены на отдельных страницах, а после каждой из них – описание узнаваемых путей между ними. Все достаточно, даже излишне, детально. На шахтах, куда мы двигаемся, стоит апостроф и цифра «18», должно быть, это ссылка на страницу. Действительно, на странице 18 начаты какие-то линии. Похоже, странник уже был в шахтах и начал изучать их. Большой надобности в схемах заброшенных шахт я понять не смог, но не просто же так он шел на риск. С обратной стороны книги велись личные записи, напоминающие мой дневник.

– Дай сюда! – грозно потребовал старшина и вырвал из рук находку. – Что-то нам с мэром он только общую карту нарисовал, а остальное то ли утаил, то ли некогда было, торопился куда-то. Хм... Короче, это не твоего ума дело, понял? Мы в городском управлении найдем применение этим записям!

– Да черт с ними, забирай, но вот эту штуку точно не отдам! – с улыбкой ответил я.

Тесак выкован из хорошего металла, время не одолело его, и изготовлен он явно не после войны.

– О, тут даже надпись есть! – я стряхнул землю с лезвия и прочитал: «Тесак морской артиллерии русской армии».

– Оружейных трофеев мне не нужно, – азартно перебил меня Купчин, доставая из кобуры на ремне ножик. – Вот! Финка НКВД! Тоже не знай, в чьих руках пережила войну! Конечно, размеры не те, но для меня историческая ценность н-е м-е-н-ь-ш-е, – выговорил он последние слова с особой значимостью, тыча финкой в воздух.

– А что такое «энкавэдэ»? Никогда не слышали! – спросили мы с Васей, не понимая, о чем идет речь.

– Эх вы! Столько книжек раздобыто в нашу читальню, а вы и половины не видели. Запомните, сохранить остатки утраченных знаний – величайшая задача этого века. Гигантское множество технологий утрачено с войной, и живем мы сейчас не лучше, чем собаки, которые хотели нас сожрать ночью, и занимаемся тем же самым, чем и они: едим и плодимся. Да и знание предметов, которые ты встречаешь в незнакомых местах, может спасти тебе жизнь...

Он еще долго поучал нас, что нужно быть аккуратным, внимательным, тратить много времени на изучение окружающего мира, познание нового и полезного, и тогда не станешь замечать тягостей. Мы молча слушали поучения старшего, опустив головы и думая о чем-то своем. Со стороны, наверное, было похоже на то, как отец наставляет сына и уже порядком надоел.

Солнце закатилось за горизонт, мы должны проезжать вполне уцелевшую заправочную станцию. Каждая вторая ночь пути в шахты или обратно в город проводится здесь, это не столько традиция, сколько отсутствие иных безопасных вариантов.

– Ты и ты, – Сергей указал на меня и моего напарника пальцем, а сам направился к входу в здание, – бегом осмотреться вокруг здания и проверить окна, после вас заходим мы! Пошли! Быстро!!! Один с фонарем, один с винтовкой!

Под бравые выкрики старшины Купчина мы быстро, оглядываясь, обошли вокруг здания. Василий трещал генератором фонаря позади меня, а я всовывался в окна с карабином.

– Никого нет! Пошли, пошли! Мы за вами! – кричу я второй группе.

Сергей с напарником влетели в дверь и так же стали освещать комнату за комнатой, угрожая винтовкой пустым стенам. Подстраховывая, мы бежали следом за ними.

Через пару минут, выходя из здания, дали сигнал остальным, что все спокойно. Все разместились в самой большой комнате на втором этаже с единственным входом, сохранившейся дверью и выходом на крышу через балкон. Костер развели посередине нашей опочивальни на холодном и лысом бетонном полу. Скот загнали в закрываемое помещение на первом этаже без окон, а повозки оставили снаружи.

– Дежури́м по два часа! По одному на крыше или балконе. Следить за телегами у входа в здание! Вход в здание один, все окна первого этажа по ту же сторону! – руководит Сергей.

Над костром уже греются фляги с чаем, каждый закутался во всевозможные тряпки и шкуры. Я первым вызвался дежурить и разместился на балконе, тут даже стоит старинный деревянный стул с изломанной спинкой. Он весь смотан проволоками, шатается в разные стороны и скрипит, но держится. Балконная решетка, похоже, уже нашла своего нового правообладателя, так что по неаккуратности можно свалиться.

Я уселся на стуле, стараясь не скрипеть, чтобы не мешать отдыхающим. Мои два часа прошли без происшествий, в думах о других регионах, о будущем человечества, о том, что потеряли наши предки и не имеем мы, сколько сил и сколько решений теперь нужно принимать людям, чтобы вернуться хоть на ступень былых высот.

Время очень быстро пролетело. Ко мне подошел следующий дежурный, имя которого я так и не спросил, а теперь как-то уже неудобно. Уставший, я лег на отдающие земляным запахом лохмотья, расстеленные на холодном бетоне.

28 октября 2161г.

Проснулся, когда люди уже собирали свои вещи. Свет от восходящего солнца, падая через центр комнаты прямо на стену, подсвечивает голубые нити поднимающегося тонкими выющимися струйками дыма от углей. Проснувшиеся тени предметов выползают из-под них, томно растягиваясь по полу.

– Сегодня уже будем у шахт.

– Да, к обеду, наверное, доберемся.

– Подай сумку.

Люди общаются между собой, складывая спальники. Их голоса отражаются от стен и как-то холодно звенят в просыпающемся сознании.

Повозки остались на месте, скот в порядке. Обычно сохранившиеся сооружения – самые безопасные места для ночлега, если только уже не оккупированы недружелюбными хозяевами.

Пока собирался, задумался о том, что мы все обречены без возможности создавать что-то технологическое для дальних путешествий, чтобы пересечь нашу смертельную «границу». А вдруг там, за ней, уже государство, цивилизация бьет ключом, легко справляясь с окружающими недугами.

От мыслей очнулся, увидев перед собой уголок кожаного переплета книги, торчащего из кармана рюкзака старшины. Мы уже долго едем в повозках, а он сидит спиной ко мне, неподвижный, такой же, как и я, погруженный в мысли и задумчиво глядящий за бесконечный горизонт. Почти бессознательно я легким мягким движением вытянул книжку погибшего странника и мгновенно замотал в тряпки.

– Пойду к первой повозке, с мужиками поговорю по поводу графика работы, чтобы завтра утром уже обратно ехать, – обернулся ко мне Купчин.

Я смиренно кивнул головой и сделал вид, что продолжаю смотреть в бесконечность и думать о чем-то.

Как только старшина отошел на достаточное расстояние, я подвинулся ближе к Василию и показал ему книжку.

– Давай читать! – как будто крикнув, прошипел я.

– Не с самого же начала! Листай с конца. Меня замучил вопрос: как это опытный мужик додумался отправиться в шахты в одиночку с одним тесаком?! – прошипел Василий в ответ.

– Да и я о том же думаю, еще и оружие променял на рюкзак еды, которой хватит не меньше, чем на пару недель пути, – ответил я, быстро перебирая пальцами растрепанные листы.

24 октября 2161г. (Дневник странника)

Сегодня ближе к ночи я кое-как добрался до поселения Чистые земли, которое находится на юге региона, если судить относительно центра, который обрисовывается в моей голове. Мой велосипед пришел в негодность после жуткого побега из Тихого города, но в надежде выменять за него припасы донес его на себе.

Понравилась приятная игра на гитаре зрелого мужчины лет сорока, сидящего на земле возле двери в лачугу. Может, он смог бы быть кочевым бардом, если бы не его ноги и неизвестность пустоши. Не стану долго описывать жизнь и быт в городе, он по сути своей ничем не отличается от других двух. Все занимаются тем же самым, только находится он дальше, чем предыдущие друг от друга. Удаленность заметно сказывается на их жадности. За ночлег и рюкзак припасов мне пришлось отдать почти все, что у меня было. Если я не дойду до шахт, то в какой-то мере это будет их вина.

Отмечу одно: люди здесь не сильно подвижные. О шахтах все знают, но изучать не берутся, только землю оттуда возят на свои плантации.

Спасибо им хотя бы на том, что выручили полезной информацией о южной «границе» региона. Теперь у меня невеселая новость для всех.

С самого раннего утра я отправлюсь к их главному, чтобы зарисовать примерную схему нашей зоны. Может, хоть наладят контакт с соседями и не будут такими скупердяями.

Ну, и расскажу свою новость об обстановке в регионе и о проблеме его границ границ...

– Так, с сутью его записей все ясно, нам нужно то же самое, но по шахтам.

Я быстро начал искать восемнадцатую страницу.

09 октября 2161г. (Дневник странника)

Снова нахожусь на заброшенной животноводческой ферме. Мне необходимо переночевать, очень устал. Южнее, до суток пути, нашел несколько штолен, одни из них свободны

для прохода. Поскольку о нормальном освещении там можно не думать, в дневнике записи делать не удавалось. Рядом с шахтами есть несколько одноэтажных длинных зданий, но они кажутся слишком подозрительными для отдыха и ночлега. Даже не могу сейчас этого себе объяснить, почему чувство подозрительности вызывают пустые брошенные здания без явных признаков животного или человеческого присутствия! Но, вытесняемый страхом, ночевал я в полной тьме в тоннелях.

Завтра отправлюсь на запад. Как я писал, туда уводит дорога, по ней смогу ориентироваться. Не рискнул двигаться от шахт в другие стороны: там кругом только пустошь и никаких особых отличительных черт, да и переночевать спокойно, скорее всего, будет негде.

Мне очень повезло подбить собаку, припасы совсем кончились. Сейчас на свежую память, пока она готовится на огне и жир капает во флягу, я зарисую проходы в шахтах и расположение зданий перед штольнями. Я крайне заинтригован ими.

В глубине проходов в небольшом зале нашел железную дорогу, уходящую в узкий, как и все вокруг, тоннель. Жаль, на ней уже не сохранилось ничего, что могло бы двигаться по путям, кто-то уже уволок все себе, или завалило камнями. В следующий раз обязательно вернусь и обследую железку, ведущую к сердцу шахты, там должно быть много всего полезного и технологичного дл...

– Купчин идет... – я спрятал дневник на самое дно своего рюкзака.

– Прибыли почти! – сообщил Сергей, обращая наше внимание на себя.

Мы подъезжаем к горам, густо усеянным высокими деревьями. Они почти лысые, только на самых верхушках пробиваются редкие вялые листья. В другие вылазки мы добываем тут древесину. Горы издали выглядят достаточно освещенными, но в самих лесах очень мрачно, потрескивания и скрипы заставляют постоянно оборачиваться и вглядываться в одинаковые, рябящие перед глазами тени от лысых покачивающихся стволов деревьев и веток.

Подножия этих гор вскрыты выработками. Мэр говорил, что в зависимости от текущих успехов развития и стабилизации жизни поселения будет решаться вопрос по поводу добычи полезных ископаемых и организации хоть какой-то их переработки в строительные материалы.

Мы проезжаем через административно-бытовой комплекс. Вытянутые, не разбитые войной одноэтажные здания, местами еще покрытые мелкой глянцевой белой плиткой, вызывают большой соблазн заселиться в них. Но все окружение здесь всегда окутано непонятным страхом чьего-то присутствия, в чем убедился гость нашего поселения. Как будто за спиной всегда стоит кто-то чужой, не обязательно агрессивный, но чувство настороженности может свести с ума со временем, не позволяя выспаться или отвлечься от него. Через огромные окна видны почти все помещения насвозь, в них гуляет постоянный сквозняк, поднимающий серую строительную пыль с пола и бесконечно гоняющий ее по коридорам.

– Сергей, там человек! – крикнул один из рабочих. – Как это где? Вон стоит! – объясняя кому-то из своих, он с опаской указывает пальцем в сторону зданий.

– Иди, проверь, – тыльной стороной ладони Сергей дважды похлопал безымянного для меня бойца. – Разгружаемся у штольни! – распоряжаясь, он повернулся к рабочим.

Еще нет и полудня, мы быстро раскидали свои вещи, перекусили непонятными, чем-то обработанными корнями, которые выдают в дорогу как долго хранящийся продукт.

Я сказал Купчину, что его напарник долго отсутствует, и с его позволения отправился за ним.

– Эй! – обойдя странно сохранившийся выбеленный угол здания, я окликнул застывшего в полный рост парня. Тот очнулся, будто ото сна и слезно захлопал подсохшими, пробуждающимися глазами, разгоняя перед носом пылинки.

– Тут никого нет, – ответил он как ни в чем не бывало.

– И чем ты был занят с четверть часа?

– Чего? Я вот только завернул за угол и уже обратно разворачиваюсь. А тут ты, – он действительно непонимающе свел брови.

Прищурясь, я недоверчиво оглянулся и не стал отвечать. Мы вернулись к лагерю.

– Никого не было? По большому приспичило что ли?! Мы с тобой остаемся снаружи, а ты и Василий отправитесь с рабочими, – нахмурившись, Сергей передал мне тройку мощных светильников.

Бремсберг завален, из-под камней обнажаются остатки ржавой железной дороги. Мы вошли в штольни справа. Это ходок, уводящий по наклонной в полную темноту. Многоголосо затрещали генераторы ручных фонариков, подсвечивающих поддавленные временем рошпаны, но все еще крепко и надежно подпирающие твердую породу.

– Спускаемся до третьего штрека и делимся на две группы в левую и правую ветку, – бригадир раздает свои указания рабочим. – Добываем землю, не надо породу грызть, там в каждой ветке есть к ней доступ! Ведрами выносим на поверхность и засыпаем в телеги.

Дойдя до назначенного места, рабочие разделились, забрав у нас фонари повышенной яркости, похожие на стеклянные шарманки, испускающие свет во все стороны.

Мы остались в ходке между входами в штреки.

– И что нам тут делать? – спросил мой напарник, будто сам себя.

– На разведку пошли дальше, – я похлопал его по плечу, – с тебя общее освещение, с меня – направленное.

Мы отправились дальше по ходку. Склон увеличился. Прошло уже около часа, мы уперлись в завал, затем свернули в штрек. Все эти тоннели наполняет жесткий холод, от которого будто трещит и раскалывается голова. Оставшегося вентилирования хватает, но кажется, будто воздух, густой и тяжелый, медленно наполняет легкие своим сыроватым холодом.

– Вот! Там есть проход, наверное, сбойка к какой-то другой выработке! – азартно уведомил Васю.

– Слушай, мы далеко зашли уже. Спокойно тут все, нет никого и ничего, пойдем обратно, а то рабочие нас потеряют, и Купчин таких приключений устроит, – ноет Вася, по крайней мере, так выглядит. – А зачем ты с собой рюкзак взял набитый, чего не оставил в лагере? – Я почувствовал, что он остановился. – Ты...

– Да, я хочу дойти до места, описанного в найденном дневнике! – грубо перебив его речь, я развернулся и направил фонарь Васе в лицо. – Что в этом такого? Тебе что, нравится изо дня в день тухнуть под крылом нашего мэра?

– Но это же оплот цивилизации! Хоть что-то, что удалось организовать общими усилиями! – он прикрывается рукой от света фонаря.

– Нужно двигаться дальше, это лично мое право, я тебя за собой не тащу. Я хочу узнать, что есть вокруг. Как мельчайшая деталь может изменить всю картину, так и любое новшество, что удастся разведать, может оказаться сильным катализатором в развитии общества! – я напористо и возбужденно складываю слова.

– Нет, я вернусь!

– Вот и иди!

Я даже не понимаю, что влияет на мои отрывистые слова и непоколебимую настойчивость.

– Ну что ты хочешь там найти? Что? Ковчег?

– Хм... Неважно, лучше скажи, что я погиб, пусть будет сюрпризом, когда возвращусь.

И я пошел глубже. Слышно, как удаляется потрескивание генератора. С каждым шагом меня наполняет чувство одиночества в неразведанном, темном, замкнутом пространстве. Я возвращаюсь к вопросам своему собственному сознанию и его ответам на них, построенным на догадках по уже известным мне данным.

Иногда я кого-то слышу и даже в тенях от фонаря начинаю различать пугающие своей внезапностью силуэты, но тут же разглядываю в них совершенно обыкновенные камни или неровности, складывающие тени в рисунок.

29 октября 2161г.

Иду достаточно долго, медленно, все глубже и глубже, метр за метром никаких отличительных черт. Сбойка сменяет сбойку, большинство проходов напрочь завалены. После одного из переходов я оказался в каком-то тоннеле немного уже предыдущего, вместо рошпанов тоннель выложен проходческими щитами. Меня одолевает голод, но необходимо идти.

Вдруг края луча от фонаря перестали касаться тоннеля и тусклым пятном отразились от стены в глубине комнаты. Я вышел в небольшое помещение, выложенное бетонными плитами и укрепленное сварными стальными перекладинами. По центру комнаты проложена узкоколейная железная дорога, уходящая снова в тоннели. С одной стороны пути завалены камнями, и перед ними стоит покрытая ржавчиной дрезина.

«Стоп, – подумал я и еще раз бросил луч света в центр комнаты. – Дрезина? В дневнике ничего о ней не говорится. Так-так-так...» – мои мысли бешено бегут, перебирая возможные варианты.

Присев на камни, завалившие пути слева от входа, окруженный полной тьмой, я пережевываю вяленый кусок мяса, запивая его остатками холодного чая из фляги. На язык попадает земляной вкус с невымытых рук, и я стараюсь максимально сплевывать то, что удастся, чтобы не подхватить инфекцию. Складывается ощущение, что на самом деле контролируемых мыслей в голове вовсе нет, глубокая погруженность в думы.

«Вариантов тут два, странник ошибиться точно не мог, поскольку что-то не заметить тут и явно написать, что чего-то нет, если оно есть, невозможно. Тут скорее ничего нет, чем что-то есть, – перешел я к логичному рассуждению и усмехнулся сам себе. – Первый вариант, что в момент, когда автор дневника побывал здесь, одновременно с ним это место посетил кто-то еще и уже отправился по железным путям вглубь. Второй – с той стороны тоннеля кто-то прибыл сюда и сейчас находится у нас на поверхности. Точно!.. – осенило меня. – Купчин же говорил, что находил непонятный предмет в пустошах и отнес его в управление. Он говорил, что такого в наших краях точно быть не может, а прибыло откуда-то. Должно быть, по ту сторону есть выход из этих тоннелей! И нас действительно посещают...»

Быстро сложив свой ужин обратно в рюкзак, со скрипом устроился на дрезине. Если это был ужин, а не ранний завтрак. Уже не могу точно судить о времени суток. Надавив на рычаг, медленно тронулся с места. Несмотря на общее состояние, механические узлы намазаны солидолом и не производят большого скрежета, что явно указывает на деятельность человека.

Тоннель немного уже и еще холоднее, я никак не могу согреться. Проехав какую-то часть пути, решил, что нужно немного выспаться, дрезина остановилась, и я откинулся на железную раму спинки сидения: «Почему же тогда, если нас посещают, делают это тайн...»

Утерян отсчет времени

Я проснулся, дернувшись всем телом, показалось, будто падаю в пропасть. Сколько спал, определить, конечно, не могу. Похоже, усталость растопила сознание мгновенно. Тело успело промерзнуть и стало каменным. Чувствуя простудное недомогание, вспомнил, что Николай Иванович всучил-таки мне маленькую фляжку с его невыносимой даже на запах жидкостью. Я осушил ее всю. Противная, но согревающая и моментально тонизирующая брага ободрила меня.

окружающей полной тишине я услышал тихий-тихий шум, еле пронзающий тоннельные щиты. «Это звук воды... Точно, это вода! Я пересекаю ту самую реку на востоке!» – тень сомнений от догадок покинула мои мысли, и я накинута на рычаг. Мышечная работа еще сильнее согревает мое тело, дрезина быстро двигается по путям, левой рукой стараюсь освещать направление движения, чтобы не свалиться в возможную пропасть или не напороться на что-то.

Провизия странника пополнила мои припасы. Есть оружие, небольшого боезапаса к которому хватит, чтобы отбиться или поохотиться. Вот найти бы воды и наполнить походную флягу. Еще вспомнил свой наган, не выменянный на Стечкина, у меня к нему и патронов много было.

Услышав громкие голоса, неразборчиво шваркающие по ушам, я погасил фонарь и прекратил движение.

– Эй! Что-то ты быстро! Чего фонарь-то погасил? – мужской голос эхом пронесется по тоннелю.

Полностью остановившись и достав карабин, я соскочил с дрезины и спрятался за нее. Звук передернутого затвора предательски прогремел, многократно отразившись от щитов.

– Да ты че, сдурел?!

– Может, это не он? – меняются голоса.

– Сука, блокируем! Все в оборону!

Я почувствовал, как порция адреналина проскочила к сердцу, и оно бешено заколотилось, прокачивая его до каждого мускула. В полной тьме не видно даже своих рук, но вдруг ярчайшие тонкие и длинные лучи белого света пронзили темноту, ослепив уже отвыкшие от него глаза.

– Эй, там, в тоннеле! Подай знать, что ты человек!!!

Меня перекосило от такого вопроса.

– А кто же еще! Вы кто такие?! – крикнул я.

– Мы кто такие?! Это ты кто такой и где наш человек?! – угрожающе прогремыхало по тоннелю.

– Без понятия, о ком вы говорите! Я путник, исследователь, как угодно называйте!

– Короче, давай руки за голову и к нам выходи, мы осветим тебе дорогу! Не нервничай, не тронем!

С трудом верится, но деться некуда. Перенасыщенный адреналином и не реализовавший его организм неуклонно рушит мое сознание в бездну страха – тело невольно начинает трясти.

Тоннель, который я пересек на вагонетке, похоже, квершлаг, выводящий в достаточно просторное помещение с вагонетками и стрелочными переводами на другие пути, к сожалению заваленные по всем направлениям.

– Так, ты давай дурака не включай только. Меня все зовут Семит, а твое имя? – угрожая мне потертым автоматом, плотно прижатым к плечу, проговорил сильно загоревший мужчина лет тридцати, на голове у него повязана бандана, а на теле камуфляжная одежда серых оттенков с защитой колен и локтей.

– Проследуешь с нами до аванпоста, а там решим, что с тобой делать. Оружие у него заберите! – скомандовал своим. – За вещи не переживай, если окажешься дружелюбным, все вернем. Так, ты и ты оставайтесь здесь! Ждите нашего пропавшего, я позже вернусь.

Выйдя из помещения, мы двинулись по резкому подъему вверх. Бетонная лестница находится в плохом состоянии, но она быстро выводит нас на поверхность на какой-то брошенный полигон.

– В свое время это была военная база, с нее все утащили в свои хозяйства, осталась только вот эта подземка с непонятной коммуникацией, – завел со мной разговор Семит, садясь в машину. – Залазай! Чего стоишь!

Я не верю своим глазам, но передо мной заведенный автомобиль. Это помятый УАЗ с неузнаваемым кузовом: что-то отрезано, что-то приварено. Схватившись за раму, я запрыгнул на заднее взлохмаченное сидение. Семит дал команду водителю, и мы тронулись на юг. Это настолько новое чувство – передвигаться на непривычной скорости. Пустошь здесь ничем не отличается, та же мертвая зона с одинокими лысыми кустарниками, столбами и прочими пейзажами. За нами песчинками поднимается в воздух пересохшая земля, маленькой грязной вьюгой бесконечно настигая нас.

В машине на панели установлена сложная черная радиостанция с несколькими динамиками, из одних слышны переговоры, из других негромко сквозь помехи играет музыка:

Выдох, вдох – хорошо дышать,

Черный горох да нелегко глотать.

Пуля и ствол, нажал и разошлись.

Где добро, где зло – попробуй, разберись.

А что нам надо – да просто свет в оконце,

А что нам снится, что кончилась война!

Куда иду я – туда, где светит солнце,

Вот только б, братцы, добраться дотемна!¹

– А вас много? – спросил я.

– А кто конкретно тебя интересуется? – ответил Семит.

– Люди. Людей сколько живет тут?

– Где тут-то? Ты теперь не в брошенных землях! – жестикулируя, начал объяснять он. – Тут езжай, куда глаза глядят, только в агрессивные и аномальные зоны не лезь! Знаем мы про регионы, которые изолированы агрессивкой, и что люди там живут, вот мы их на «большую» землю ищем пути вытащить.

– Что-то не торопитесь, – я сделал замечание, словно имел какие-то права здесь.

– Это... Ты знаешь что?! Много думаешь, да мало соображаешь. Вот представь, что сейчас все ваше стадо в несколько тысяч человек, только недавно сообразивших, что надо обществом жить, вырвется к нам в города, да еще и каждый со своим мировоззрением? Это куда вас девать-то, в пушечное мясо на фронт? Революцию еще устроите, – нервно начал объяснять Семит, как обычно объясняют сложные вещи, которые с первого раза можно понять превратно, торопясь изложить все максимально быстрее.

– Какой фронт? – насторожившись, удивился я. – Война не прекращалась что ли?

– А когда она прекращалась, дружище? – повернулся он ко мне. – Когда? Мы ж, мать нашу, зверь такой, что пока сами себя не истребим, ни один не успокоится! Каждый считает, что его образ жизни правильный, а других быть не должно.

Он нервно отвернулся и хмуро, как Купчин, засмотрелся на горизонт.

– Разберешься со временем, – взмахнув рукой, успокоительно сказал водитель.

Мы поднимаемся по небольшому холму, на вершине которого возведено бетонное оборонное одноэтажное здание с узкими темными амбразурами. Будто прямо из-за него в небе парит неподвижное маленькое облако, будто прижавшееся к людям от одиночества.

– Вот такие аванпосты у нас по округе расположены, своего рода первый рубеж обороны поселений от рейдеров и всякой дряни. Снайперы и гранатометчики, каждый пост с радиосвязью, если что, мы мигом силы подбрасываем. Им главное не подпускать и держаться! – рассказывает Семит.

– Вы мне так рассказываете, как будто к вам в ряды вступаю, – я несколько насторожился.

– А куда тебе деваться? – он ухмыльнулся. – Ты ж не из этих с Агломерации на востоке и не фанатик-одиночка с оружием?! – начал доказывать мою безвыходность, с которой я мог бы поспорить, хоть мне действительно невыгодно отказываться.

Мы высадились и, берцами выколачивая из земли каленную солнцем пыль, зашагали в здание.

– Так, ты садись здесь. Свяжусь с главным, узнаю, какие пожелания по твоему дальнейшему существованию.

Семит ушел к радиостанции. Я присел на деревянную скамью, цепью подвешенную к бетонной стене. Посередине помещения установлен незнакомый источник электроэнергии, не воспроизводящий никакого звука, однако от него вытуются провода ко всем устройствам в помещении. На стенах висит несколько осциллографов и какие-то консоли с кнопками.

– А это что? – указав рукой на объект моего интереса, спросил дежурного в уже знакомом камуфляжном костюме с пришитым тканым значком на вороте.

– Ну, мобильный, если можно так назвать, источник питания, – выдавил из себя молодой парень.

– Это я догадался, дружище, а как работает?

– Да черт его знает, я солдат, мое дело стрелять, а об этом особо не распространяются. Частично технологию сперли у касперов. Ее воспроизводят в небольших объемах из-за неполной картины обо всем технологическом процессе.

Человеку тут явно не хватает новых знакомств, чтобы пообщаться.

– Батарейку нам привозят новую каждый раз, а эту на рециклинг возвращаем. Хватает на месяц примерно, может, полтора.

– А что за касперы такие? Это вы с ними воюете? – я стараюсь не упускать возможности получить больше информации от разговаривавшего человека.

– Ну, «касперами» мы их коротко, вроде как неформально называем. Агломерация «Призраки пустоши». Вот так правильно. Грубо говоря, один большой городище, какой ты только можешь себе представить, как мне рассказывали, из года в год все быстрее разрастающийся во все стороны и поглощающий окружающие территории, – он водит руками по воздуху, как будто изображает процесс. – Если быть точным, то это замкнутые в себе и своих делах научно-технические психи, которые никого не пускают к себе, а ближайшие поселения разгоняют, угрожая им. Терроризируют или истребляют, если те не поддаются, но под свое крыло не пускают.

– А как же вы технологию украли, если там никто никогда не был?

– Нет, быть-то были. Делегатами по одному человеку. наших лидеров впускали первое время для смутных переговоров, а потом решили, что мы для них абсолютно никакой ценности не имеем. Но саму технологию не то чтобы прямо украли. Это наши инженеры с лучевых винтовок поскручивали устройства разные и давай изучать, что и как работает.

– Лучевые винтовки? У вас тоже такие есть?

– Не-е. Говорю же, полного аналога их технологий не получается сделать. Да и эффективность, как по мне, может, и не такая же, как у классического стрелкового оружия: ну, отдачи нет, функциональность выше. Но сомнительно это все. А классическое огнестрельное мы сами производим в Промгороде на севере за Лесом счастливых. Важнейший завод, там охраны столько, что носу не сунешь.

– Воюете с ними?

– Не... Они очень далеко от нас, пока больших конфликтов не происходило, так пару поселений пришлось уступить. Воюем с рейдерами... – разговор перебил вернувшийся Семит.

– Хватит тут про восток и запад байки рассказывать. Вставай, поедем к главному по вопросам гражданства, так сказать.

Мы вернулись в машину и тронулись дальше на юг. В голове целая куча непонятых вещей, многое просто не успел спросить. Новые названия, группировки, множество событий, непонятно и непривычно скоротечно.

– Какой сегодня день? А то я в тоннелях запутался немного со временем, – вспомнил я свой главный вопрос, который по идее нужно задавать сразу.

– Тридцатое октября, пятница.

– Ну, как я и думал, просто не знал, сколько спал в тоннеле. А можно вернуть мой рюкзак? Там у меня еда, давно хорошенько не подкреплялся, – попросил я. Хорошо еще, что чудесным образом простуда меня отпустила, она сейчас не к месту.

– Коль, заедем к Широкому, узнаем, как дела у них, и переночуем, – сказал водителю Семит, перекинув мне рюкзак и оружие. – А ты вроде не психованный, держи обратно.

Примерно через час пути машина завернула к воротам с восточной стороны, и красный закат зловеще озарил ряд каменных домов, окруженных проволочным ограждением и парой дозорных вышек. Водитель заглушил двигатель, и мы отправились к большому двухэтажному зданию, первый этаж которого выложен бутлом.

В холле, оторвавшись от выгребания пепла из зольника печи, нас встретил невысокий белый мужчина с короткой русой бородой.

– Привет воякам! – обтирая руки о пачканую ветошь, с широчайшей улыбкой здоровается мужчина. – Это новенький у вас? – спросил он, окинув меня взглядом.

– Это с брошенных земель беженец. Можно так сказать, – ответил ему Семит. – Рассказывай, как у вас дела, всего ли хватает, были ли проблемы?

– Да нет вроде, транспорт с продовольствием и припасами приходит исправно, добытые минералы, как договаривались, грузим в эти же машины. Все хорошо. Поднимайтесь наверх, отдохните хорошенько, – мужчина указал жестом руки на лестницу слева от входной двери.

Мы вошли в одну из комнат на верхнем этаже, в ней расположены две двухъярусные железные кровати, оконный проем перекрывается деревянными ставнями. Стены обшиты материалом, похожим на вату и сохраняющим тепло в комнате. По центру располагается сколоченный из досок широкий стол и табуретки.

– Мужики, бросаем вещи и пойдете, разогреем еды себе, надо нормально поужинать.

Семит повел нас по этажу в самую дальнюю комнату. Это пустое помещение с голыми каменными стенами и плотно закрывающейся дверью. В середине комнаты кирпичом выложено место под огонь и установлены металлические рогатки.

– О, тут даже угли еще горячие под пеплом. Есть предложение! Скидываем свои консервы, провариваем, потом вываливаем содержимое в общую кастрюлю и делаем сытнейшую похлебочку одну на всех, – убедительно предложил Николай.

Он достал фляжку и предложил нам. Побросав банки в угли, мы оба сделали по глотку, и я узнал противный вкус непонятной браги.

– Что это? Я такое же пил у нашего торговца, – поморщившись, спросил я.

– У вашего? Ха-ха-ха! – хрипло, будто вот-вот откашляется, рассмеялся Коля. – Слышал это? – повернулся к Семиту. – Их торговца! Ха-ха-ха... Работает схема-то...

Несколько секунд непонимающе терплю его смех.

– Ты только не кидайся как на предателей, которые кинули вас там выживать, – стал объяснять Семит. – Мы следим за социальным развитием вашего общества и ищем методы вас выручить, но просто так, бездумно притащить ораву людей мы не можем, уже объясняли тебе. У вас там в каждом городе по человеку есть, и нас отправляют разведывать, как движутся у вас дела. Ты хотя бы просто представь, как вас всех через этот тоннель провести, там воздуха-то на несколько человек еле хватит. И пока мы ищем методы, вы превращаетесь в общину, товарищество, как это обозвать? А то дикарями были какими-то!

– Да ну ладно, понял я... Находил у нас старшина какой-то предмет непонятный, говорил, что похоже на какое-то оружие и тому подобное, что не могло оно тут оказаться ниоткуда кроме как извне, – начал я свою историю. – И сами мы вас боимся, может, вы террористы все тут или еще чего.

– Стреляло то как, оружие это ваше непонятное? – спросил Коля, помешивая металлическим прутом красные угли.

– Не стреляло оно, никто не разобрался, как оно работает...

– Батарея, наверное, разрядилась просто! Ха-ха! Не разобрались! Очень энергоемкая вещь, мы фонари на них перевели, а то тоже бегали с трещотками, – не перестает усмехаться

Коля, доставая из внутреннего кармана куртки фонарь. – Вот такая штука, короче! – он вынул из фонаря черный предмет размером с коробок.

– У меня есть такой! – я тоже полез во внутренний карман и достал металлический предмет, переданный мне в дар Николаем Ивановичем. – Торгаш ваш мне его просто так отдал, выменял в довесок у одного из наших странников. Только он сказал, что понятия не имеет, что это такое.

– Ну, молодец, молодец. Не выкидывай, пригодится еще, если заряжена. Им рециклинг умеют делать только в больших городах. А не знал потому, что к вам мы его отправили до того, как технологию просекли, – ответил Николай.

С улицы издали слышались автоматные выстрелы, мы тут же выглянули в окно. Уже почти стемнело, в дальнюю от нас дозорную вышку льются очереди с юго-востока.

– Почему не отстреливаются?! Ничего даже не видно: тучи и почти ночь пришла, а освещения не даете, у вас же есть все, – спросил я, собираясь сорваться к выходу за амуницией.

– Да стой ты, смелый какой! Всем дозорным выдается прибор ночного видения. Слышишь, как от щитов пули рикошетят? Гребаные фашисты вслепую очереди в вышку пускают, а он в тоненькие амбразуры снизу прицеливается винтовкой с глушителем и одной пулей снимает. Вот ты ничего не видишь и не слышишь. Рейдеры по паре человек периодически пытаются диверсию совершить, наверное, чтобы потом сразу напасть. Ха-ха, но никак не выходит у них. Взрывчаткой, что у трупов собираем, уже полный склад набит, да и оружием их, оно, правда, ужасного качества, как будто одноразовое, ха-ха-ха!!! Надо взрывчатку куда-нибудь сплавить, а то взлетим на воздух.

– Может, на это и расчет? Вот тебе и «ха-ха». Ясно все, в общем, помогать незачем, – махнул я рукой.

– Так точно. Это если бы на технике приехали и поливать начали из пулеметов, дежурный бы сирену врубил, иначе его оттуда буквально за пару минут выкурят. Проверено уже,.

Мы вернулись к углям и вывалили банки на бетон остывать, затем водрузили кастрюлю с водой на рогатки.

– А что за фашисты? Я читал книги, но это же была середина двадцатого века?! – я решил продолжить свой вечер знаний.

– Вот-вот, и они книжки читали! Только не в той библиотеке! Наверное, музей или штаб-квартира каких-нибудь довоенных фанатиков. Начитались литературы этой, и пошло-поехало. Решили, что сейчас самое прекрасное время для геноцида и возвышения одной нации, придурки! – с яростью в глазах все громче говорил Семит.

– Да уж, и какие у них цели? Просто уничтожить всех? И как они этого пытаются добиться?

– Да нет никак! – выкрикнул Коля. – У них нет ничего! Только отнимают, что смогут. Ну, слышал, тоже заводик какой-то есть оружейный. Ну, не знаем мы, в общем. Вроде и не имеют ничего, а вроде лезут и лезут все. Они непонятно откуда лезут, вот еще что. Вроде на юге были лагеря и на севере. Какие-то из них разбили, но находим другие. Откуда корни непонятно.

– Цыгане! – рассмеялся Семит.

Мы продолжили шутку и еще некоторое время продолжали игру в слова. Похлебка уже приготовилась. Разлив все содержимое кастрюли по металлическим мискам, отправились обратно в опочивальню. Горячая похлебка сквозь металл прогревает кисти рук, прижигая кожу и заставляя поигрывать пальцами. Теплый пар поднимает жирный запах, разгоняя и без того животный аппетит. Мы сели за стол. Это редкий раз, когда можно устроить себе подобную трапезу. Горячий бульон приятно обжигает изнутри, согревая кровь. Больше никто ничего не говорит, а я не задаю свои вопросы, все сконцентрировалось на процессе и получают невероятное удовольствие.

Закончив, тут же расположились на своих кроватях. Тепло от согретого тела быстро заполняет пространство под шерстяными покрывалами и погружает в сон.

31 октября 2161г.

– Вставай давай! – толкает меня Коля. – Вставай, хватит спать, ехать надо.

Тело сладко пригрелось в постели, и мне совсем не хочется выбираться из нее. Зевая и почесывая грязную голову, я обулся в изношенные берцовые ботинки и накинул свою куртку.

– Завтракаем по дороге в машине, если кто-то хочет. Выдвигаемся, – торопит Семит.

Спускаясь по лестнице, поблагодарили Широкого за тепло и гостеприимство.

– Нас ждет долгая дорога на восток до одного из главных городов Содружества, – комментирует свою торопливость Семит.

– Понятно. А почему у хозяина такое прозвище? Размеров в нем я не заметил.

– Улыбка у него радушная, – состроил гримасу Коля. Он завел двигатель, и мы отправились навстречу поднимающемуся солнцу, объезжая ухабы и постоянно подпрыгивая на тех, которые не удалось избежать.

– А что за Содружество? – спросил я.

– Ох, сколько ж тебе еще рассказывать. Это мы. Конурбация «Содружество», если полностью. Политического строя как такового пока нет, но есть авторитетные лица, за которыми идут люди. В принципе это по несколько человек в каждом большом городе, что раскиданы по огромной территории. Другими словами, Призраки живут в одном недоступном огромном высокотехнологичном мегаполисе, состоящем из сотен секторов, районов, их можно так назвать. А мы в меньших по размеру городах и прилегающих поселениях, неравномерно раскиданных по всему континенту. Сотрудничаем в торговле между собой и с окружающими, не примкнувшими к нам, – коротко, но достаточно ясно объяснил Семит.

Я погрузился в мысли и вспомнил о дневнике странника. Пожалуй, пока мы в пути, сейчас самое время прочитать его, тем более что автор не сильно вдавался в писанину и больше рисовал схемы.

30 сентября 2161г. (Дневник странника)

Сегодня я проснулся зараженный идеей сделать действительно полезное дело для всего общества. Мне надоело быть просто одним из сопровождающих грузы между нами и Мирным. Более того, я уверен, что для дальнейшего благополучного развития обоих наших поселений крайне необходимо знать, что там за горизонтом, знать больше, чем знаем сейчас.

Мир меняется, и единственная коммуникация – это случайным образом полученная информация от бродяг, которые даже непонятно где живут и откуда приходят к нам с разной периодичностью. Землепроходцы поднимают торговые связи, а это значит, поселения будут разрастаться в сторону друг друга, как это происходит сейчас с Мирным, и территория между городами будет становиться безопаснее день ото дня.

Одним словом, я завожу этот дневник на случай моей гибели в пустоши для сохранения карт-схем, которые я запланировал начертить, и, возможно, полезных сведений об окружающем меня в пути.

Начну, пожалуй, с нашего поселения с грубым названием Котлован, которое скорее просто прижилось как прозвище человеку по чертам внешности или характера. Поселение представляет собой плотно возведенные одноэтажные сооружения из всевозможных материалов (на что хватило фантазии). Рядом с поселением разрастается широчайший котлован, в котором мы выращиваем свои растительные культуры для пропитания, это большей частью разного рода коренья, сейчас все чаще нам удается сельдерей, редька и специально выведенная съедобная зелень, устойчивая к неблагоприятным условиям, но она совсем недолго хранится.

Котлован разрастается в меру прироста населения, слой «больной» земли выкапывается, а открывшийся удобряется. Ливневых дождей не видели уже очень и очень давно, но на

всякий случай организована система дренажа. Работают с землей, в основном, поселенцы из Мирного.

Так вышло, что они организовались за счет наших продуктов питания в обмен на наемный труд или бартером на другие вещи. Но со временем в пустошах найти что-нибудь становилось все труднее и труднее, и постепенно они превратились в рабочих на нашей земле, а мы в их защиту, охотников и администрацию. Котлован разрастается в их сторону, и расстояние между нашими границами уже можно преодолеть даже без ночевки.

Также у нас есть мастерская, в которой из подручных средств изготавливают инструменты, механические устройства и даже оружие с патронами неизвестного истории калибра. Производится это в минимальных объемах, так как труд ручной и отсутствует технологическое оборудование.

Есть у нас свой мэр и его заместитель из Мирного. В связи с успешными работами и удавшимся симбиозом двух обществ, вся их политика свелась к стимулированию максимальной скорости роста населения – у нас очень много детей и подростков. Таким образом администрация решила за ближайшие пятнадцать-двадцать лет как можно скорее объединить нас в большой безопасный город с широкими границами, а за это время вложить усилия в создание инструмента и механизацию труда. Это рутинная жизнь, которая имеет трезвый смысл безошибочности, но мне она скучна.

На севере, мы знаем, смертоносный радиационный фон. Чем дальше уходишь, тем хуже себя чувствуешь. Как по экспоненте – до смерти. Иногда рассказывают истории о том, что видели, как люди сходили с ума и кидались на других, возвращались к стенам наших ограждений и молчали. Кто-то слышал шепот «Домой». Душераздирающе...

На западе находятся руины большого города, простирающегося по всему горизонту, откуда-то появилось название «Тихий город». Сам там не был, а администрация пару лет как запретила вылазки в него, утверждая о какой-то возникшей внезапно техногенной опасности, но какой именно, не сообщают.

На юге пустошь, иногда оттуда к нам приходят люди, называющие себя мародерами. Они предлагают в обмен на продукты питания редкие вещи, которые для нас на вес золота (кстати, выражение устарело: золото никого не интересует). Расположение их группировки нам неизвестно, в принципе к ним нет смысла снаряжать караваны, они сами с исправной периодичностью посещают нас. Что там в пустошах есть еще, особо никто не знает, а землепроходцы, которые делали вылазки, твердят одно и то же: «Нет там ничего, только дикий зверь голодный да сумасшедшее желание вернуться домой, в безопасность». Или вовсе отказываются объяснять и рассказывать что-либо, зарабатывая себе на питание вылазками.

На востоке находится Мирный, о котором я уже упомянул. Это будет следующей точкой моего пути. Сегодня и завтра я планирую коротко зарисовать схему наших улочек, посетить нашего мэра и склад в надежде, что ради благой цели он обеспечит меня всем необходимым в походе.

02 октября 2161г. (Дневник странника)

Сейчас я в Мирном. Мои переговоры с мэром привели к положительному результату. Мне выдали самодельную винтовку и пистолет Стечкина с боезапасом на длительный путь, солидных размеров тесак и продовольствие. Главное в походе – это фляга с жировой смесью! Энергетически емкий продукт несложного производства, в принципе, можно приготовить в походе самому, растопив жир в огне, только добавить стебля того же сельдерея, чтобы подсолить. Получается достаточно вкусно и питательно. Да, и самое главное: я все же выпросил велосипед, это крайне упростит и сократит по времени мою задачу.

Как и Котлован Мирный окружен заграждением по всей границе, расставлены дозорные вышки по всем направлениям. Город выглядит точно так же, как и наш, краски не меняются. Люди посменно отправляются к нам, чтобы работать с землей. Возвращаясь, они занима-

ются своими делами. Большой частью встречают добытчиков, лечат их, разбирают найденные материалы и строят из них сооружения, ничем не отличающиеся от наших.

Я остановился у одной моей давней знакомой переночевать. Пока мы ужинали, она рассказал мне о тревожащих жителей происшествиях. Люди считают, что за последнее время слишком участились случаи со «скитальцами», как они их называют. Это те самые обезумевшие с севера. Причем на север уже давно никто не отправлялся. Еще вернулся человек, обследовавший по своей инициативе горы на востоке. Он был в панике, говорил о крупном волосатом человеке. Какой-то Куккурупа, живущий в окружении стаи диких собак, прикармливающий их телами «скитальцев». Говорит, услышал в своей голове голос: «Зачем ты пришел к Куккурупе?» – и тут же бежал в страхе.

Мне не по себе от этих историй. Но я и не рассчитывал, что мое путешествие будет вечерней прогулкой. Завтра мне держать путь именно на восток, к горным склонам. Надеюсь, дневник еще дополнится, когда я получу полезную информацию и доберусь до безопасного места.

04 октября 2161г. (Дневник странника)

Это было целое приключение. Как и планировал, я отправился в горы на восток, по дороге мне встретились двое тех самых «скитальцев», попытавшихся напасть на меня. Но они настолько нерасторопны и глупы (одним словом, «овоци»), что разделаться с ними труда не составляет. Однако они вселяют жуткий страх и оставляют осадок ужаса еще надолго.

Уже вечером я брел по польсевшим лесам на горах, сопровождаемый постоянным скрипом полумертвых деревьев. Мне встречались собаки на безопасном расстоянии от меня, они как будто следили за мной, но не приближались и не нападали. Я хотел бы добраться до противоположного склона, чтобы увидеть, что там дальше, и решить, куда двигаться.

Ближе к ночи, когда пришло время найти безопасное место для ночлега, я в полутьме увидел дымок и услышал тот самый голос в голове, про который мне рассказывал мой друг. Отчетливый, но гулкий, заполняющий меня, он спрашивал, зачем я иду к Куккурупе. Я мысленно ответил голосу, что не желаю никому вреда, а, наоборот, веду свой путь через земли, чтобы повлиять на благосостояние людей, и голос пригласил к себе на ночлег, пообещав, что мне ничего не грозит.

Заведя генератор своего тусклого фонаря, я прошел дальше и увидел очень крупного, полностью покрытого волосами человека, если его можно таковым назвать. Вокруг его жилища, сооруженного из поваленных деревьев, покрытых ветошью и шкурами животных, находилась большая стая собак, тех самых, которые убивают в пустошах. Мысленно мы беседовали с Куккурупой о моем странствии и о том, как он живет с собаками.

Он рассказал, как сдружился с животными, читая их мысли. Но сразу пояснил, что у них нет никакого логического мышления. Просто выстраиваются инстинктивные цепочки животных эмоций и точно такими же цепочками с ними можно держать связь. К телепатии он приспособлен с детства, но само детство в голове не сохранилось, помнит, будто всегда и всю жизнь жил только в этих лесах. Собак он прикармливает, стая стала больше, и он не видит в этом ничего плохого, человек тако–е же животное на земле. Если его съели, то в этом нет ничего трагичного, завтра другой человек съест собаку.

Он попросил меня не выдавать его местоположения, чтобы за ним не пришли. Поэтому схем я прилагать не буду, но хочу отметить будущим обладателям моего дневника: существо это зла не таит и просто отживает свой век, как умеет, в одиночестве, с животными. А идти за горы, сказал он, смысла нет: там только река, которую мне не пересечь. Поверю.

Пишу все это утром следующего дня, мы прощаемся. Куккурупа сказал, что собаки проводят меня из леса и не тронут, но что будет в будущем, это сугубо мое дело и дело имеющих остатков правил природы. Выживает сильнейший.

Я отправлюсь вдоль склонов гор. Буду искать ближайшее поселение или строение для отметки и ночлега.

06 октября 2161г. (Дневник странника)

Я благополучно доехал до какой-то отлично сохранившейся заброшенной животноводческой фермы. В пути происшествий не было.

Нужно отметить, что ферму было бы крайне эффективно разобрать, оставив путникам целым только сарай для ночлега. Правда, с другой стороны, сарай тоже разберут какие-нибудь недобросовестные и заночевать будет вовсе негде. Ферма полностью построена из древесины, жилой дом двухэтажный, его окружает несколько загонов и других построек.

На первом этаже есть камин. Побросав на колосниковую решетку поломанные доски, развел огонь и подогреваю себе жировую смесь. Света получилось достаточно, чтобы делать эти записи. На втором этаже жилого здания несколько помещений, они довольно теплые.

Сама ферма, судя по всему, находится строго на юге от Мирного. На север и на запад от нее когда-то простиралось асфальтовое полотно, сейчас почти полностью разбитое. Завтра отправлюсь дальше вдоль склонов, но если ничего не обнаружу в радиусе суток, то вернусь и отправлюсь на запад.

Нужно в течение недели найти поселение, а то у меня закончатся припасы.

09 октября 2161г. (Дневник странника)

Снова нахожусь на заброшенной животноводческой ферме. Мне необходимо переночевать, очень устал. Южнее, до суток пути, нашел несколько штолен, одни из них свободны для прохода. Поскольку о нормальном освещении там можно не думать, в дневнике записи делать не удавалось. Рядом с шахтами есть несколько одноэтажных длинных зданий, но они кажутся слишком подозрительными для отдыха и ночлега. Даже не могу сейчас этого себе объяснить, что за чувство подозрительности вызывают пустые брошенные здания без явных признаков животного или человеческого присутствия! Но, вытесняемый страхом, ночевал я в полной тьме в тоннелях.

Завтра отправлюсь на запад. Как я писал, туда уводит дорога, по ней смогу ориентироваться. Не рискнул двигаться от шахт в другие стороны: там кругом только пустошь и никаких особых отличительных черт, да и переночевать спокойно, скорее всего, будет негде.

Мне очень повезло подбить собаку, припасы совсем кончились. Сейчас на свежую память, пока животное готовится на огне и жир капает во флягу, я зарисую проходы в шахтах и расположение зданий перед штольнями. Я крайне заинтригован ими.

В глубине проходов в небольшом зале нашел железную дорогу, уходящую в узкий, как и все вокруг, тоннель. Жаль, на ней уже не сохранилось ничего, что могло бы двигаться по путям, кто-то уже уволок все себе, или завалило камнями. В следующий раз обязательно вернусь и обследую железку, ведущую к сердцу шахты, там должно быть много всего полезного и технологичного для поселений. Уверен, что там будет что-то неординарное, очень важное. А поскольку тоннели протяженные, я надеюсь, что они могут вообще вывести в новые земли!

Если верить рассказам редких бродяг, приходящих к нам с разным товаром, то где-то по южную сторону дороги должен быть вырыт широчайший глубокий карьер, в котором осталось немного тяжелой техники. Путники крайне не рекомендуют спускаться в него слабым духом людям. Предметы в нем меняются местами, стоит только на мгновение о чем-то задуматься, а вместо горизонта по всем направлениям только одинаковая «чаша» карьера и лазурно-голубое небо с палящим солнцем, почему-то всегда стоящим в зените, заставляющим землю впитывать в себя тени.

И невозможно уследить, в какой момент вдруг идешь совершенно в другую сторону. Будто что-то вертит тебя в невидимом лабиринте. Только уснув, можно дожидаться ночи с ясным звездным небом и по нему выйти из ментальной ловушки.

11 октября 2161г. (Дневник странника)

Сейчас раннее утро. Дорога на запад очень сложная, почти все время шел пешком, толкая свой велосипед. Ухабы и песок не позволяют нормально передвигаться. К вечеру встретилась заправочная станция. Наличие топлива проверять не стал, однако отмечу, что неплохо бы отправить сюда инженера проверить. У меня было еще несколько часов пути, освещаемого заходящим солнцем, но я не стал рисковать ночевкой в надежде найти людей дальше и решил остановиться здесь.

У меня осталось еды на последний скромный ужин и маленький кусок собачьего мяса в мешочке на завтра. Если так ничего и не найду, то двинусь на север искать Котлован.

В целях безопасности расположился на крыше здания заправочной станции, поскольку дверей в помещениях нет. Подъем на крышу завалил найденными металлическими щитами. Холодно, но тут спокойней.

Мне не спалось, и я смотрел на ночное небо, плотно усеянное яркими звездами. Ночь удачная, ветра не было, терпимо сиделось без огня. Я задумался о вещах, окружающих нашу жизнь. Все сводится к обычному животному существованию и очень медленным шагам к развитию, большей частью сельскохозяйственному. После него, думаю, придет время и промышленного производства, что-то, но должно будет случиться. А пока деятельность всех людей (я не думаю, что те, кого я встречу, будут заняты чем-то другим) похожа на работу дождевых червей, перерабатывающих мертвую землю в плодородную почву. Сантиметр за сантиметром, но планета обязана преобразиться.

Внезапно мои мысли рассеялись от рыка и тяжелого топота, быстро перемещающегося вокруг здания. Я быстро достал свой фонарь и изо всех сил старался разжечь его ярче. Судя по ударам об землю, это было одно животное, но его рычание и громкое дыхание мне были неизвестны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.